

Юлия Каргополова

Блокаде не сломить талант!

Виктор Александрович Сидоров — художник.

Когда началась ВОВ, Виктор, еще мальчик, жил с отцом и матерью в Ленинграде. На момент блокады ему было двенадцать лет. Рисованием Виктор Александрович увлекся позже. Как он утверждает, писать картины у него получалось легко и органично.

— Виктор Александрович, когда началась блокада, ваш отец ушел на фронт, или он работал?

— Отец пожилой был уже: пятьдесят восемь лет. Поэтому в семье решили, что он останется. Мама была младше отца на двенадцать лет. Все время пропадала в магазинах, искала продукты. Чувствовала, что совсем плохо будет. Продуктов, конечно же, на всех не хватало. Но люди все равно старались поддержать свою жизнь, в любых условиях.

— Расскажите, пожалуйста, какие это были условия.

— Стесненные... Продукты уже исчезали. Когда мама приходила домой, она рассказывала, где была, что видела... Сплошной ужас какой-то...

Отец ходил на работу в сорок восьмое НИИ, сейчас в том здании располагается библиотека имени Ельцина. Он как-то с работы пришел и принес дуранды. Дуранда — это жмыхи, причем натуральные, они тогда нам очень помогли.

Еще капусту собирали на поле возле больницы Мечникова. Брали на-матрасники и ездили наполнять их капустой...

— Это был сорок первый год?

— Да, сорок первый. Тогда уже бомбардировки начались.

Капусты нам хватило до марта: много собрали! Потом ели лебеду и другие растения — все, что выросло в городе. Так и дотянули до конца блокады...

Трудные ступени

Только отец не смог до-тянуть: он умер в июне сорок второго года, в больнице, рас-положенной в Доме учителя на Фонтанке.

— Кем работали ваши ро-дители?

— Отец был шофером, мать — санитаркой.

— У мамы было медицин-ское образование?

— Нет. До войны она не ра-ботала. Начала работу в поли-клинике, и оставалась там до июня сорок второго. До смер-ти отца... А потом нам нечего стало есть. Продукты по кар-точкам было не выкупить, по-этому мама устроила и меня на работу.

— Кем вы работали?

— Учеником водопроводчи-ка.

— Тогда многие дети рабо-тали?

— Очень многие. Работа зачастую была очень тяжелая, грязная (как у меня). Из-за этого я быстро заболел и оказался в Боткинской боль-нице.

— Расскажите, как выглядела больница в блокаду, какие там были условия, какое лечение.

— Помню, там надо было пройти процедуру, а воды горячей нет, по-мыться негде... Я кое-как помылся холодной водой — при этом темпера-тура была у меня под сорок.

Потом привели меня в палату. Там лежали какие-то люди, но никто в мою сторону даже не повернулся. По-моему, там все уже мертвые ле-жали.

Бросили меня на холодную койку. Одежда нет... Я сгоряча выскочил в коридор, стал кричать. Слова были только матерные, других не осталось. Набежали откуда-то санитары, схватили меня. Я кусался, ругался — а они притащили меня обратно в палату и привязали к койке.

— **Вам какие-то лекарства давали?**

— Какие там лекарства?! Ничего не дали.

— **Где в это время находилась Ваша мама?**

— Маму ко мне не пускали. Я уже не помню, как и время прошло. Меня положили в больницу тридцать первого декабря, очнулся уже где-то в январе, а выписали меня в феврале сорок третьего.

— **Вы тогда рисовали?**

— Нет, тогда было не до рисунков.

— **После выписки из больницы вы самостоятельно добрались домой?**

— Нет, меня сопровождала медсестра. Я был почти не в силах передвигаться.

— **Мама вам обрадовалась?**

— Нет. Мы даже не обнялись. Я не помню, что она говорила, но я уже не был тем прежним человеком, ребенком. Я понимал, что ей очень тяжело, а помочь ничем не мог. Это было так неприятно... Но мы жили вместе.

— **Вы долго восстанавливались после болезни?**

— Где-то к маю я окреп и стал выходить на улицу (до этого все время лежал). Начал даже ходить к маме, которая работала уже в другой поликлинике.

— **После больницы вам снилось довоенное время?**

— Да. Я был хлипким в раннем детстве, часто болел, и отец меня носил на руках. Вот это я и вспоминал. То были хорошие, счастливые сны...

— **Виктор Александрович, расскажите, как вы все-таки увлеклись живописью.**

— В сентябре сорок третьего я пошел в школу. А десятого апреля сорок четвертого года погибла мама. Меня взяли в приемную семью. Приемную маму звали Валентина Павловна Тикунова. Она была маминой сослуживицей.

Горят Американские горы

со сфинксами. Просто, без всяких выдумок. Быстро справился с работой, и меня приняли на факультет живописи.

— Где вы жили, когда учились в академии?

— Жил в приемной семье напротив Сенной площади. Прожил там четыре года. Приемная мама сберегла для меня ключи от моей старой квартиры. Когда я подросток, вернулся домой, в свою квартиру.

— Были ли у вас сомнения, что мы победим в войне?

— Насчет победы... да нет вроде. Сомнений таких не припомню. В те годы о другом говорили, о более приземленном, что ли... Очередь за хлебом служила местом для обмена новостями. Нужно было постоять в

— У нее были дети?

— Да, была дочь.

— Приемная мама хорошо к вам относилась?

— Очень хорошо. Благодаря ей оказался я в пионерском лагере, и там начал рисовать. Нас обязывали выпускать стенгазеты, надо было оформлять их, иллюстрировать. У меня это неплохо получалось. Однажды пионервожатый принес и показал мне газету, где было сказано, что Академия художеств имени Репина приглашает молодежь на обучение. Я поехал на конкурс, и меня приняли. В свою школу я больше не вернулся. Началась другая жизнь.

— Какой была ваша первая картина?

— У меня она даже сохранилась! Это была конкурсная работа. На экзамене нам поставили задачу — придумать и нарисовать любую композицию. Я изобразил набережную Невы

очереди, чтобы что-то узнать: например, в каком месте прорыв начинается.

— **А когда вы завершили блокадные эскизы? Уже после блокады?**

— Дело в том, что после смерти матери у меня возникали мысли о суициде. Однажды в приступе тоски я сжег все свои рисунки. Поэтому работ того периода не сохранилось.

— **Расскажите, на каких воспоминаниях основана ваша книга с картинами.**

— Одна картина связана со следующим случаем. У нас была летняя дача за городом. Однажды мы, спасаясь от немцев, спешили от дачного поселка к поезду с чемоданами и рюкзаком, чтобы уехать в Ленинград к отцу. В это время над нами пролетел немецкий бомбардировщик, так низко, что были видны смеющиеся лица летчиков... Это все запечатлено на картине.

Еще сюжет: мы с мамой уже в Ленинграде. Помню рассвет и аэростаты на фоне белых облаков...

А на картине под названием «Обычный день» люди с кастрюльками идут к Неве за водой...

— **Что означает упавший человек без обуви на заднем плане?**

— Слева от нашего дома находился магазин. Однажды я видел лежащего у входа мальчика лет четырнадцати-пятнадцати. Наверное, не дошел до магазина, упал и умер. Сначала у него были валенки на ногах, потом их сняли. И шапку тоже.

— **Картина, посвященная победе, у вас была?**

— Да. У нее такая история. Я решил пойти на встречу с воинами-победителями. Я был уверен, что встреча произойдет на Дворцовой площади. Рано утром собрался, пошел на Дворцовую. Прихожу и вижу: там всюю идет подготовка. Я понял, что планируется организованная встреча. Тем не менее, надеялся, что все пройдет по-домашнему: люди будут обнимать бойцов, разговаривать с ними...

Но совсем по-другому вышло. Солдаты были совершенно измучены, они шли из Прибалтики, и им не давали пообщаться с горожанами, никого даже близко к ним не подпускали.

Несмотря на разочарование, настроение у меня было боевое! Я решил сам придумать эту встречу — и изобразил ее такой, какой мне хотелось, а не такой, как на самом деле...